

(Не разумом то ведал, а чутьем),
Что солнце в градусе двадцать втором
Созвездия Тельца и значит это,
Что скоро девять и обедня спета:
«Мадам Пертлот, звезда моих очей!
И птицы нынче нам поют звончей,
И травы мягче, и цветы душистей,
И сам я веселей и голосистей».
Но тут пришла, как водится, беда -
Она за радостью бредет всегда,
А радость, всякий знает, мимолетна,
Будь летописец я, о том охотно
Подробнее я вам бы рассказал
И все как следует растолковал.
Скажу я тем, не верит кто поэтам,
Что поручусь: во всем рассказе этом
Ни слова лжи вы так же не найдете,
Как и в истории о Ланселоте ¹⁴⁷ -
Излюбленной истории всех дам.
Но к были не пора ль вернуться нам?
Жил красно-бурый лис, злой и лукавый,
В овраге за болотистой дубравой.
И, верно, бог терпел его грехам:
Уже три года он скрывался там.
А в эту ночь он подкопал забор
И незаметно пробрался во двор,
Где Шантиклэр, петух наш знаменитый,
Разгуливал со всей пернатой свитой.
В траве густой залег в засаду лис
И ждал; когда ж хозяйки собрались
Коров доить, пополз он к Шантиклэру:
Усвоил он злодейскую манеру
Тех душегубцев, что исподтишка
Разить стремятся. И, увы, тяжка
Судьба твоя, о Шантиклэр несчастный!
Зачем спорхнул ты в этот двор опасный
Иуда новый! Новый Ганелон
И погубитель Трои, грек Синон! ¹⁴⁸
Ты всех коварней лис и всех хитрее.
Но, Шантиклэр, ты о его затее
Предупрежден был тем зловещим сном.
И до сих пор не кончен спор о том:
Все ль predetermined господь от века
Или свободна воля человека...
На этот счет большие есть сомненья
И среди ученых в корне расхождение.
Народы, страны в спор вовлечены
И яростной враждой омрачены.
До корня не могу я докопаться
И в сложности вопроса разобраться,
Как сделал то блаженный Августин,

---

¹⁴⁷ *Ланселот*. – Известнейший из рыцарей Круглого стола, любовник королевы Джиневры.

¹⁴⁸ *Грек Синон* убедил троянцев перетащить деревянного коня в город («Энеида», II, 259).